

Е.Н. Бескровная

**К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В
ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.**

Проблема изучения прозаических жанров в еврейской литературе стояла уже давно. Она по настоящему раскрыла себя во второй половине XIX века, когда появились работы С.А. Ан-ского и Мартина Бубера. Однако на сегодняшний день она остается открытой с позиции четкого определения жанра: что считать притчей, а что считать сказкой? И не будем ли мы развития сюжета в притче просто называть сказкой?

Вся история еврейской литературы развивалась от формирования Устной Торы к Письменной. И исторически это происходило следующим образом:

1250 г. до н.э. 1050–1020 г. до н.э.	Борьба с Сисарой (ханаанский царь) Израиль под Филистимским игом. Саул из Вениамина – вождь народа в борьбе против филистимлян.	Песнь Деворы (Судьи У) Песнь Деворы на смерть Саула и Ионафана (II Самуила1, 17 и сл.)
842 г. до н.э.	Иорам в союзе с Иосафотом против Меши.	Ягвистический кодекс шестикнижья.
643 г. до н.э. 621 г. до н.э.	Царствование Манассии. Религиозная реформа Иосии, установление единопочитания Адоная, уничтожение атрибутов политехнического культа.	Соединение Ягвиста и Элогиста в одно единое целое. Основное ядро Второзакония.
400 г. до н.э.		Пятикнижье (Тора)
300 г. до н.э.		Исторические произведения хрониста. Книги Эздры и Нехемеи.

На основании известной таблицы по Каучу мы видим, что сначала возможно был неизвестный нам жанр, который сформировал рассказ как ход повествования и который с древнейших времен получил название «***», что в переводе с древнееврейского языка означает «притча». Можно также предположить, что в период формирования Устной Торы притча включала в себя не один сюжет, позволяющий рассказчику более явно нарисовать перед слушателями картину происходящего. Однако, в 643 году до нашей эры, когда происходил переход от Яхвистского Кодекса к Жреческому, рамки сюжета сузились и остался только неоспоримый факт существования определенного события. Так появилась короткая притча.

В 621 году до нашей эры, когда было сформировано основное ядро «***» (Второзакония) появляется знаменитая «Притча о выборе царя», включающая в свое повествование несколько сюжетов:

Собрались раз деревья,

чтоб выбрать себе царя,
и сказали они оливе:

«Царствуй над нами!»

9. И олива сказала им:

«Разве я потеряла свой плод,
которым Бога и людей восхваляют,
и править пойду над деревьями»

10. И сказали деревья фиге:

«Иди ты и над нами царствуй!

11. И сказала им фига:

«Разве я потеряла свои сладости
и свой хороший урожай,
и править пойду деревьями?»

12. «И деревья обратились к винограду:

«Иди ты и над нами царствуй»

13. И обратился к ним виноград:

«Разве я потерял свой сок,
который Бога и людей веселит,
и править пойду деревьями?»

14. Тогда сказали все деревья тернии:

«Иди ты и над нами царствуй!»

А терния сказала деревьям:

«Если правда меня царём решили помазать,–
идите и спрячьтесь в тени моей!

А если нет, – то выйдет огонь из тернии,

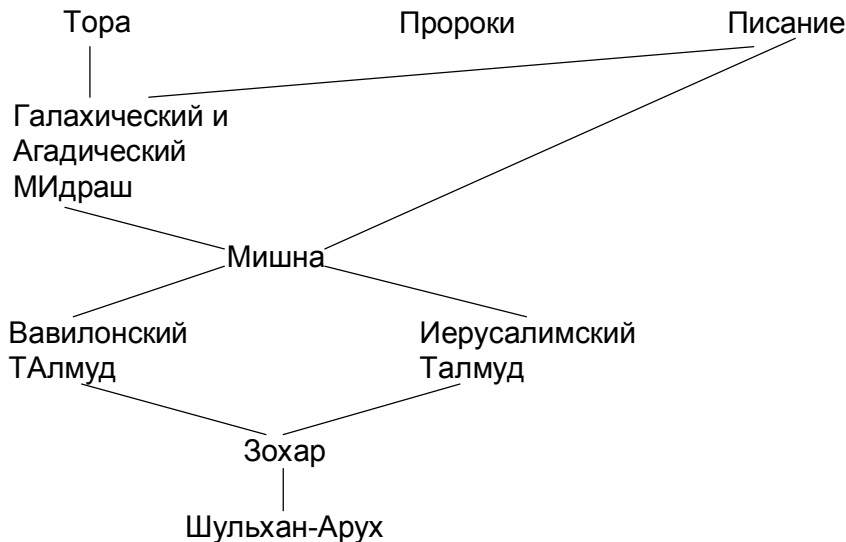
И кедры ливанские съест!» (13)

Это произведение посвящено описанию как деревья выбирали себе царя. Согласно сюжету они обращались к каждому из деревьев с просьбой стать царём. Композиция этого произведения сложная, так как в каждом из обращений можно найти как завязку, так и развязку действия. Вместе с тем кульминационный момент просматривается в последнем сюжете, когда тернии соглашаются быть царём. Сущность этого произведения хорошо раскрыл Иван Франко в своей поэме «Мойсей», когда терния соглашается быть царём только ради того, чтобы служить своему народу:

...Я на вашім престолі як стій
Без вагання засяду.
Я ні станом високий, як кедр
Ні, як пальма, вродливий
І не буду, як дуб, самолюб,
Як береза, тужливий.
Здобувавтиму поле для вас,
Хоч самому не треба,
І стелитися буду внизу,

Ви ж буяйте до неба.
 Боронитиму вступу до вас
 Спижевими шпичками
 І скрашатиму всі пустирі
 Молочними квітками.
 І служитиму зайцю гніздом,
 Пристановищем птаху,
 Щоб росли ви все краще, а я
 Буду гинуть на шляху» (9, с.159)

Главной особенностью прозаических жанров в еврейской литературе явился тот факт, что они послужили основой и повлияли на ход развития всей мировой литературы, но в целом, в области формирования иудаики они фактически сформировали всю философию иудаизма по схеме:

Наиболее ранним представителем прозаических жанров в еврейской литературе был Галахический и Агадический Мидраш.¹

¹ Под Мидрашем понимают название двух методов изучения Торы, а также названия сборников, которые включают в себя результаты изучения её этими методами. Первый метод, Мидраш Галаха, состоял в следующем: мудрецы толковали написанное в Торе, приводя при этом различные законы, которые передавались в устной традиции. До наших дней дошло четыре сборника, в которых были переданы результаты изучения Торы методом Мидраш Галаха: Мехилта де рав Ишмаэль, Мехилта де-рабби Шимон Бен Йохай (комментарий к книге Исход), Сифра, или Торат коханам (к книге Левит), Сифрей (к книге Числа и Второзаконие). Кроме того, до нас дошли также отрывки из сборников Сифрей Зута, Мехилта деарайот и другие.

Второй метод Мидраш А гада заключается в комментарии Священного Писания так, чтобы при этом не выводились какие-либо конкретные законы. Агадический материал, не вошедший в Талмуд, собирался в отдельные книги, которые были составлены в V – XIII вв. В более поздние времена появились сборники агадического материала, уже записанного в прошлом. Агадическая литература очень обширна: Мидраш Раба – мидраш на Тору и на пять книг Писания – Руфь, Эклизиасти, Песнь Песней, Плач Иеремия и Эсфирь. Составлен в Эрец-Исраэль во II – III вв. до н.э. Мидраш Танхума – мидраш на Тору. Составлен рабби Танхума, который жил в Эрец-Исраэль в IV в. До н.э. Книга толкует недельные главы Торы, рассматривая галахические вопросы, содержащиеся в каждой из них. Пиркей де рабби Элиазар

Наиболее известным Мидрашем является Мидраш о том, как Авраам приносил в жертву своего сына Исаака. Как мы знаем, согласно повествованию Авраам приносит в жертву своего сына ради Господа. В мидраше мы читаем в тексте о том, что Авраам «увидел это место издалека». Мидраш задаёт естественный вопрос: что же увидел Авраам? Ответ даётся следующий: он увидел «нависшее над горой облако» – имеется ввиду, что в этот момент Авраам удостоился быть свидетелем Шхины (Божественного Присутствия). Кстати, еврейское слово «***» – «место» эквивалентно русскому «Вездесущий» (12, с. 18).

Теперь посмотрим как тот же сюжет трактуется в Вавилонском Талмуде: «Но так как место жертвоприношения Исаака должно было стать обителью Духа Святого, совершилось чудо: по мановению перста Божьего, окружающие долину горы сомкнулись и образовали одну горную возвышенность, достойную служить подножием для Духа Вечного» (1, с.60).

Впоследствии, расширяя эту трактовку Семён Фруг в своей поэме «Ломтик халы» напишет:

Вдоль по волнистым пластам облаков,
Стелется свиток Завета.
Вечный Эн-Соф на престоле сидит
В ризе из яркого света.

Десять Сефирот покорно стоят
Вкруг лучезарного трона:
Свет неземной, неизведанный свет
Льётся с Предвечного лона. (10,с.312)

Сталкиваясь с более поздними переводами и трансформациями агадического мидраша, мы наблюдаем трактовку сюжетов Торы уже с точки зрения более поздних течений в иудаизме (Каббала, хасидизм). Но главную роль при объяснении Галахи играет Агада.

Особую роль приобретает Агада в Вавилонском Талмуде. Здесь появляется уже новый термин «морально-этический кодекс Талмуда». Об Агаде Наим Нахман Бялик писал: «Если Галаха вечно хмурится, то Агада, напротив, приветливо улыбается. Первая – воплощение Закона: требовательна, тверда, ригористична, тверда как железо; вторая – снисходительна, терпима, мягка словно масло, она – само милосердие... Если там – давящая сила предписаний,

– повествование о происходившем со дней сотворения мира до исхода евреев из Египта, составленное по хронологическому принципу и добавляющее к написанному в Торе множество дополнительных фактов, сохраненных устной традицией. Этот мидраш составлен в XIII веке, в одной из мусульманских стран. Пешгга де рабби *Кахана* – мидраш на те отрывки га кант пророков, которые читались в синагоге в праздники и в субботние дни. Составлен в Ув. до н.э. в Зрец-Израэль Мидраш Техилдим – толкование большей части книги Псалмов. Мидраш Мишлей – толкование книги притч Соломоновых, т.э., написан в Вавилонии в эпоху, которая последовала за составлением Талмуда, т.е. позже У в. До н.э. Мидраш Шмуэль – толкование книги пророка Самуила; составлен в IX в. В Эрец-Израэль на основании древних источников. Ял кут Шнмоян – поздний сборник, составленный около 1250 г. рабби Шимоном из Франкфурта на основе различных древних агадических источников, многие из которых не сохранились» (по книге А.Щинма «Мир агадической литературы».)

обязательность, которая порабощает, то тут постоянное обновление, свобода, лёгкость, независимость... Там – сухость прозы, раз и навсегда избранная форма, маловыразительный, лишённый нюансов язык, господство рационализма. Тут – сочность поэзии, разнообразие, постоянная смена настроений, красочность языка, царство чувства» (2).

Агада получает своё развитие в произведениях писателей как русской, так и русско-еврейской литературы. «И всякая тварь. Рав Иегуда учил со слов Равва:

– Ничто в мире Божьем не сотворено без цели. Даже те твари, существование которых кажется человеку совершенно нецелесообразным, содействуют строю и порядку мироздания, и Создатель творит волю Свою через каждое Своё творение, не исключая даже змеи, лягушки, комара.» (трактат Шабот 77, Берешит Раба, 10; 1)

Фруг в своём стихотворении «Паук» пишет:

Полезны: конь в набегах буйных;
Под вьюком – буйвол и осёл;
Овца – своей пушистой шерстью;
Могучей выей – тучный вол;

Приятны: голубь, гусь и агнец
За шумной трапезой для нас;
Приятен голос соловьиный
В саду душистом в поздний час.

Красив орёл, когда широким
Размахом крепкого крыла
Взовьётся ввысь, где в туче влажной
Застыла дикая скала.

Красив орёл в горах Ливана,
Когда, спасаясь от стрелков,
По крутизнам скалистым мчится
Он в дебри сумрачных лесов. (10, с.78)

Ту же особенность мы наблюдаем и в русской литературе. Сравним отрывок из Агады и из басни Крылова.

«Однажды лев, пожирая свою добычу, подавился костью.

И начал лев звать на помощь:

– Кто вытащит у меня кость из горла, того я вознагражу по-царски!

Прилетел журавль, засунул свой длинный клюв в глотку льву и, вытащив кость, стал требовать награды.

Уходи поскорее, – ответил лев, – достаточно для тебя награды, что ты можешь похвалиться, говоря: «Я был в пасти у льва – и ушёл, как видите, цел и невредим!» (Берешит Раба, 64; 1)

Посмотрим на тот же сюжет у Крылова:

Волк и журавель

Что волки жадны, всякий знает:

Волк евши, никогда

Костей не разбирает.

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул волку в пасть и с трудностью большою

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь кричит коварный, –

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унёс!

Поди ж, приятель, убирайся,

Да берегись: вперёд ты мне не попадайся». (6, т. 1, с. 168)

Как отмечал Мартин Бубер в своей книге «Хасидские истории»: «У евреев диаспоры легевды передавались устно из поколения в поколение, и вплоть до нашего времени не были облечены в какую-либо литературную форму. Хасиды просто не могли выстраивать предания, рассказываемые во славу своих цадиков, по образцу существовавших литературных легенд. Их внутренний мир, их страстность, порывистость не вмещались в застывшие формы и стили...

На примере легенд о Баал Шем-Тове можно проследить как в хасидизме формируется легендарная традиция. Уже при жизни цадика среди членов его семьи и учеников ходили истории, повествовавшие о его величии. После смерти цадика они переросли в предания, четверть века спустя ставшие составной частью некоторых книг. Так, из семейных историй складываются легенды, которые рабби Мойше Хаим Эфраим, внук самого Баал Шем Това, включил в свою книгу «Дегель механе Эфраим» (Знамя стана Эфраима), а легенды, ходившие среди учеников, были примерно в то же время опубликованы под названием «Кетер Шем Тов» (Венец Благого имени). Однако, до появления на свет первой легендарной биографии Баал Шем Това, названной Шивхей Бешт (Прославление Бешта), прошло еще двадцать лет. Каждый сюжет этой книги восходит к кому-либо из ближайшего окружения Баал Шем Това, его друзьям и ученикам» (3, с.22-23). Эти рассказы носили с одной стороны форму притчи. Однако, в последствии в среде хасидского

движения они приобретают и форму сказки. Например, сказка «Баал Шем Тов родился»...

На основе хасидских притч рождается сказка. Хасидская сказка составляет основу детского фольклора, который фактически начал развиваться после создания государства Израиль в 1948 году.

За последнее время появилось множество хасидских сказок (термин Анского), в которых философия иудаизма раскрыта по выше изложенной схеме, и основана на сочетании Галахи и Агады, при этом первая преобладает в большей степени. Хасидская сказка как жанр формируется сначала раскола в иудаизме и формирования хасидизма как течения. Многие сказки создавались в традициях Устной Торы, но уже под влиянием Вавилонского Талмуда и как жанр складываются в период создания рабби Шнур Шалманом из Ляд «Ликутей Амарим Танин». Хасидская сказка, формируясь на основе агадических притч впитывает в себя элементы славянских сказок. В хасидских сказках присутствуют как элементы мифологического начала, так и элементы реалистического начала, бытового отражения действительности. Во всех сказках присутствует символ света как символ знания, ведущий свое основополагающее начало от Бога. Единство хасидских и славянских сказок заключено в определении сказки как жанра устного народного творчества, объединенного элементами мифологии и культурологии, как науки о начале всех религий, и приближенного в своем историческом движении к современности.

Следует также отметить тот факт, что хасидская сказка на территории Украины на современном этапе развивается под влиянием Любавической династии Шнеерсонов и с остановкой только на одном аспекте – благочестивости.

Интересна в этом отношении сказка «Мальчик и свеча». В сказке рассказывается о том, как мальчику, который хотел учиться, помогли ангелы. Они сделали так, что свеча горела всю ночь и ребенок смог читать книгу.

Всевышний помогает всем, кто стремится к знаниям. Знания – луч света в темном мире, и именно они приводят человека к победе в этом мире. Тора служит источником не только знаний, но и влияет на познание мира всем человечеством. В XIX веке известный русский поэт Н.П. Огарёв писал:

Учись! Пойми, что знания есть власть,
 Умей страдать вопросом и сомнением,
 Умей людей любить с благоговеньем,
 И превращай волнуемую страсть
 В смысл красоты и веры благородной
 Живи умно, как человек свободный. (8, с.118)

Рассмотрев жанровое своеобразие прозаических жанров в еврейской литературе можно прийти к выводам о том, что они не только на современном этапе трансформировались в такой жанр как сказка, который тесно укоренился

в современном лексиконе, но и с точки зрения диахронии хасидская сказка развиваются в следующих направлениях:

1. Хасидская сказка формируется под непосредственным влиянием Танаха, Мишны и Вавилонского Талмуда. Также в ней мы ощущает влияние Зохара и Шульхан Аруха.
2. Хасидская сказка развивается непосредственно на Украине и в Польше и испытывает на себе влияние социальной действительности, а также традиций Великого Магида или рабби Меира Маргалиота и письменная традиция школы Кореца.
3. Значительный отпечаток на хасидскую сказку накладывает идиш, на котором она в основном звучит. Он формирует её грамматический строй и способствует развитию в ней элементов хасидизма.

Литература.

1. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей, пер. С.Г.Фруга. – Ростов-на-Дону. 2000
2. Бялик Х.Н. Галаха и Агада. – / Шинан Авиغدор. Мир аггадической литературы. – Иерусалим, библиотека- алия, 1990. – с.45
3. М.Бубер Хасидские истории. – Москва-Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 2006
4. Велльгаузен. Введение в историю Израиля, пер. с нем. Н.М.Никольского. – СПб, 1909.
5. Еврейские народные сказки. – Москва, 1992
6. Крылов И.А. Сочинения в двух томах. – Москва: Правда, 1969
7. Литературный энциклопедический словарь. – Москва: 1987.
8. Огарев Н.П. Стихотворения и поэмы. Москва: Советская Россия, 1980.
9. Франко І. Вибрані твори. Київ:Д ніпро, 1969
- 10.Фруг С.Г. Стихотворения. – СПб, б-г
- 11.Фруг С.Г. Сиониды и другие стихотворения. – СПб, 1902
- 12.Шинан Авиغدор. Мир аггадической⁴ литературы. – Иерусалим, библиотека- алия, 1990.
- 13.Тора. Пророки. Писание. Иерусалим: издательство Корен, 1999.

Анотація.

Безкровна О.Н. До проблеми вивчення прозаїчних жанрів в єврейській літературі.

У статті Безкровної О.Н. «До проблеми вивчення прозаїчних жанрів в єврейській літературі» розглядаються особливості агади (притчі) у її руху від Тори, крізь Агадичний Мідраш до Вавилонського Талмуду і Зохару.

Головним у цьому випадку постає питання сюжету. Питання сюжету за період трансформації від притчі до казки за весь філософський період існування ТаНаХа наповнюється змістом на рівні композиції. Вона поширюється за рахунок збільшення кількості зав'язок, кульмінаційних

моментів та розв'язок. Це добре відображається як у притчах Вавилонського Талмуду при переході від Тори до останніх респонсів, так і у художньому впливі, що відбувся як у світовій, так і у єврейській літературі зокрема.

Ключові слова: ТаНаХ, Зохар, кодифікація Тори, трансформація Агадичного сюжету.

Аннотация.

Бескровная Е.Н. К проблеме изучения прозаических жанров в еврейской литературе.

В статье Бескровной Е.Н. «К проблеме изучения прозаических жанров в еврейской литературе» рассматриваются особенности агада (притчи) в ее движении от Торы, сквозь Агадический Мидраш к Вавилонскому Талмуду и Зохару.

На первый план в этом случае выступает вопрос сюжета, который за период своей трансформации от притчи к сказке и за весь философский период существования ТаНаХа наполняется содержанием на уровне композиции. Она расширяется за счет увеличения количества завязок, кульминационных моментов и развязок. Это хорошо отражается как в притчах Вавилонского Талмуда при переходе от Торы к последним респонсам, так и в эстетическом влиянии, которое наблюдается как в мировой литературе, так и отдельно в еврейской литературе.

Ключевые слова: ТаНаХ, Зохар, кодификация Торы, трансформация Агадическош сюжета.

Summary.

Beskrovna Lena. To the problem of study the genze of tale in Hebrew Literature

In the article «To the problem of study the genze of tale in Hebrew Literature» Beskrovna Lena was examined unquenss Hasidism of Agadah in the movetion from Tanah to the Midrah of Agadah and Babylonian Talmud.

The question the subject of the period the transformation Agadah from small tale to the larger tale from the period of philosophy existence the Talmud is filling a new maintenance from calculation of enlargement of subject: the plot, the culmination and the denouement.

This is reflecting in the transition from Torah to respons and in the influense in the Hebrew and world Literature.

Key words: Tanah, Zohar, codification of Torah, transformation the subject of Agadah.

Стаття прорецензована та рекомендована до друку завідувачем кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С.Сковородн., доктором філологічних наук, професором Фрізманом Л.Г.